

Тайны горы Змейки

Денис Пожидаев

Денис Пожидаев
Тайны горы Змейки

«Автор»

2026

Пожидаев Д.

Тайны горы Змейки / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

Конец 1980-х. Семилетний Миша живёт в Минеральных Водах, ждёт отца после смены и мечтает однажды стать для него не просто сыном, а настоящим напарником. Однажды обычный разговор превращается в обещание, а гора Змейка — в начало удивительного пути. Впереди будут лесная тропа, тайна, которую нельзя объяснить взрослым, и день, после которого привычный мир уже не кажется прежним.

© Пожидаев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. После смены	5
Глава 2. Экспедиция номер один	9
Глава 3. Тропа	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Денис Пожидаев

Тайны горы Змейки

Глава 1. После смены

Заводская проходная выдыхала уставших людей порциями, словно сама была огромным механизмом, который только что закончил смену. Миша сидел на тёплом бетонном парапете и смотрел, как из тяжёлых стеклянных дверей один за другим выходят рабочие и инженеры.

Здесь пахло особенным образом — горячим асфальтом, металлической стружкой, табачным дымом и машинным маслом. Запах был густым, въедливым, и Мише он нравился. Это был запах настоящего взрослого мира: огромного, сложного, где люди управляют станками размером с дом и произносят такие веские, непонятные слова, как «допуск», «шпиндель» или «фрезеровка». Мише казалось, что за проходной начинается другая страна, и у этой страны есть свой язык. Папа этим языком владел свободно. А Миша только подбирал слова с земли, как блестящие железные обрезки, и складывал их в карман — для себя.

Отец появился в толпе не сразу. Он шёл, слегка ссутулившись, перекинув через плечо тяжёлую брезентовую сумку с инструментами и тормозком. Лицо у него было серое, отстранённое — такое бывает у людей, которые весь день разбирались с упрямой машиной, а теперь всё ещё мысленно перебирают детали.

Но, заметив Мишу на парапете, отец моргнул, будто стряхивая с себя заводской шум, и уголки его губ дрогнули.

— Привет, дежурный по встрече, — сказал он, подходя ближе.

Он протянул большую руку с тёмной смазкой, ввевшейся в подушечки пальцев так глубоко, что её не брала никакая жёсткая щётка. Миша спрыгнул с парапета и крепко её пожал. Рука у отца была шершавой и тёплой.

— Долго ждёшь? — спросил отец, поправляя лямку сумки.

— Нет. Пятнадцать минут. А у вас там сирена гудела, я слышал. Что-то сломалось?

Они неторопливо пошли вдоль длинного кирпичного забора завода. Солнце уже садилось, заливая улицу густым оранжевым светом и растягивая их тени далеко вперёд.

— Ничего не сломалось, — отец вздохнул, вытирая лоб носовым платком. — Просто компрессор на третьем участке проверяли. Гудит так, что зубы ноют. Устал я сегодня, Мих. Смена тяжёлая.

Миша закивал, стараясь идти в такт с отцом. Ему очень хотелось спросить про компрессор, про чертежи, которые папа иногда приносил домой в плотном тубусе, про то, почему некоторые окна цехов светятся даже тогда, когда все уже ушли. Но он видел: папа ещё не до конца вернулся из своей другой страны. Взгляд у него всё ещё цеплялся за что-то невидимое — может быть, за тот самый компрессор, который продолжал гудеть где-то внутри его головы.

— Пап, а почему штангенциркуль так называется? — всё-таки не выдержал Миша. Слово было слишком красивым, чтобы его не спросить. Он подслушал его у одного из рабочих на проходной и берёт весь день.

— Потому что немецкое слово, — машинально ответил отец. — «Штанга» — стержень, «циркуль» — измеритель. Инструмент такой. Точный. До десятых долей миллиметра меряет.

Отец замолчал, глядя себе под ноги. Миша тоже притих. Он знал это состояние отца наизусть: папе нужно дойти до перекрёстка, купить в автомате стакан газировки за три копейки, выпить его залпом — и только тогда завод его наконец отпустит.

Так и случилось. У перекрёстка отец остановился, порылся в кармане брюк, выудил монетки и купил воды — себе с сиропом, Мише простой. Выдохнул шумно, смял пустой стаканчик и бросил его в урну.

— Ну, — сказал он уже другим, живым голосом. — Куда путь держим?

— Домой, куда ещё, — улыбнулся Миша. — Мама сказала, макароны по-флотски готовы.

Они свернули на широкую улицу, ведущую к их микрорайону. Деревья здесь росли плотно, образуя зелёную крышу, но впереди, прямо над пятиэтажками, в чистом вечернем небе стояла она — гора Змейка.

Она совсем не была похожа на снежные пики из телевизора. Змейка была каменистой, у подножия густо заросшей лесом, а ближе к вершине изрезанной оврагами. Эти овраги извивались так причудливо, что напоминали глубокие шрамы на теле горы. Миша видел её каждый день своей жизни. Она была такой же привычной, как водонапорная башня или автобусная остановка. И всё же сегодня, в оранжевом вечернем свете, гора показалась ему немного другой — будто она тоже только что вышла со смены и устало смотрела вниз, на город.

— Пап, а почему она всё-таки Змейка? — спросил Миша, глядя на её темнеющий силуэт. — Там змей много?

— Змей там хватает, конечно. Полозы всякие, медянки, — отец перехватил тяжёлую сумку поудобнее. — Но назвали гору так из-за оврагов. Если смотреть издалека, они выются по склону, как змеи. Или как чешуя. Ничего таинственного. Обычная геология.

Миша разочарованно пнул мелкий камешек на асфальте. Геология — это было скучно, как контрольная по письму. Ему всегда казалось, что гора такой странной формы обязана прятать внутри себя что-то более важное, чем просто камни и сухую траву. Иначе зачем было так стараться и закручивать овраги в узор?

Отец посмотрел на гору, потом на насупившегося сына. В его усталых глазах вдруг мелькнула знакомая смешинка. Он остановился и пощёлкал ногтем по пряжке брезентовой сумки — так он делал всегда, когда в голову приходила интересная техническая мысль.

— А давай представим, — сказал отец, — что мы с тобой пошли на Змейку и нашли в ней железную дверь.

Миша замер. Камешек, который он хотел пнуть во второй раз, так и остался лежать на дороге.

— Какую дверь? — осторожно спросил он.

— Обычную. Ну, или не совсем обычную, — отец пожал плечами, продолжая идти. — Просто идём по лесу, сворачиваем в овраг, где ни одной тропинки нет, раздвигаем кусты — а там, прямо в скале, вросла в камень металлическая створка. Старая. Тяжёлая.

У Миши внутри что-то сладко екнуло. Он мгновенно забыл и про завод, и про штангенциркуль. Игра началась. Но это была не та игра, где взрослый просто кивает ребёнку, читая газету. Папа смотрел на гору так внимательно, будто на самом деле прикидывал, в каком именно овраге могла бы прятаться эта дверь.

— Если она железная, она бы заржавела, — тут же включился Миша, проверяя идею на прочность, как проверяют новую игрушку: не сломается ли сразу.

— Верно. Ржавая, в потёках, краска облупилась, — согласился отец. — На петлях земля налипла. Но ручка есть. И мы её тянем.

— А почему её никто до нас не нашёл? Змейку же всю исходили. Туристы всякие.

— А потому что она в таком месте, куда нормальный человек не полезет, — уверенно возразил отец. — Там колючки, осыпь, камни острые. Все проходят мимо по тропе, в метре от неё, и не видят.

Миша почти физически почувствовал запах сырой земли, шершавый холод металла под пальцами и густую тень леса, в которой эта дверь могла прятаться годами, никому не показываясь.

— А за ней что? — Миша забежал немного вперёд, чтобы видеть лицо отца. — База?

— Какая база? Военная? — отец сдвинул брови, притворяясь серьёзным.

— Инопланетная! — выпалил Миша. — Её давным-давно построили и оставили. А мы нашли.

Отец усмехнулся, но не сказал «что за глупости». Вместо этого в нём вдруг проснулся инженер.

— Инопланетная база — это серьёзно, — протянул он, потирая подбородок. — Но тогда возникает вопрос к товарищам пришельцам: почему в горе? Почему не на Луне или не на дне океана? Гора — ненадёжно. Вода камень точит, землетрясения случаются.

— Потому что на Земле за нами наблюдать удобнее! — быстро нашёлся Миша. — Они в горе сидели и в телескопы смотрели. Или мысли читали. У них там прибор такой есть. Заходишь — а он твои мысли прямо на стенке показывает.

— Читать мысли? — отец хмыкнул. — Ну, допустим. Считывать микротоки мозга, улавливать электрическую активность... Опасная штука, Мих. Подумаешь, что макароны по-флотски не хочешь, а машина на весь лес раструбит. Но вообще, если там инопланетная техника, она должна от чего-то питаться. Где они энергию берут тысячу лет? Розетки-то в горе нет.

Миша наморщил лоб. В обычных фантазиях космические корабли просто летали, потому что так было нужно по сюжету. Но папа строил другой мир — мир, в котором у любого чуда обязательно должны быть законы, винтики, причины. И от этого чудо становилось не слабее, а как-то прочнее. Настоящее.

— Она от самой горы питается! — придумал Миша. — Гора тёплая, и эта база у неё... ну, тепло забирает. А ещё там есть комната, где гравитация выключена. Шагаешь — и летишь. Как космонавт.

— Антигравитация, — кивнул отец с таким видом, будто каждый день обсуждал это на планёрке. — Сложная штука. Магнитная компенсация, наверное. Но чтобы человека поднять, поле нужно такое, что у нас с тобой все ключи из карманов повьлетают и прилипнут к потолку. Значит, материал стен какой-то особенный, экранирующий.

Миша слушал, раскрыв рот. Он вдруг заметил, что усталость, тяжёлым мешком висевшая на отце у проходной, куда-то пропала. Шаг стал пружинистым, голос — бодрым. Папа не просто подыгрывал сыну. Ему самому было интересно придумывать невозможное и тут же объяснять его так, будто оно вот-вот окажется правдой.

— А еду они из чего делают? — спросил Миша, вспомнив про макароны. — Если база тысячу лет стоит, консервы давно бы испортились.

— Синтезатор, — уверенно сказал отец. — Берёт углерод, водород, кислород прямо из воздуха и воды, перестраивает молекулы — и выдаёт тебе что хочешь. Хоть яблоко, хоть пряник.

— И булочку с повидлом может?

— Запросто. Только машине нужна точная формула повидла. Иначе получится просто сладкая вата.

Они засмеялись. Город вокруг жил своей обычной жизнью: со скрипом открывались двери подъездов, где-то далеко гудела электричка, на балконах сушилось белье. Но для Миши и отца улица сейчас была лишь коридором, ведущим к подножию их собственной, только что выдуманной горы.

Миша чувствовал странную лёгкость, будто его отпустили из-за тесной парты. Взрослый мир, тот самый, с непонятными штангенциркулями и тяжёлыми тубусами, вдруг приоткрылся для него хоть на щёлку. Оказалось, в нём есть место и для заброшенных станций, и для тяжёлых дверей. Нужно было только знать, как на них правильно смотреть. И папа, кажется, знал.

— Но если мы такую дверь найдём, голыми руками лезть нельзя, — вдруг серьёзно сказал отец, перехватывая лямку сумки. — Объект неизвестный. Техника безопасности — прежде всего.

— А что возьмём? — шёпотом спросил Миша.

— Рюкзак. Термос с чаем — потому что синтезатор, конечно, хорошо, но свой чай надёжнее. Фонарь обязательно, внутри наверняка темень. Ну и инструмент. Хотя бы отвёртку и нож. Вдруг створку отжимать придётся.

Он на секунду замолчал, потом добавил, будто вспомнив старое правило:

— И вот ещё что, Мих. Если когда-нибудь по-настоящему окажемся перед чем-то непонятным — каждую вещь проверяем трижды. Сначала смотрим, потом трогаем, потом уже решаем, что с ней делать.

— А потом уже боимся? — серьёзно спросил Миша.

— А потом уже боимся, — кивнул отец, не улыбувшись, и от этого слова прозвучали особенно весомо, как будто это было не шуткой, а настоящим правилом для настоящей экспедиции. — Если уж идти, то по-настоящему.

Миша сглотнул. Слово «экспедиция» отец произнёс без тени насмешки, и от этого внутри стало одновременно холодно и горячо.

Они подошли к своему двору. У подъезда горел тусклый жёлтый фонарь, собирая вокруг себя мошкарку. Гора Змейка теперь была видна лишь частично — тёмным горбатым силуэтом она перекрывала половину звёздного неба, как будто придвинулась немного ближе, чем была утром.

Миша остановился у скамейки и посмотрел на отца. В груди колотилось огромное, невысказанное желание. Он не знал, как спросить так, чтобы не разрушить игру — чтобы папа вдруг не сказал: «Ну ладно, помечтали и хватит, марш руки мыть».

— Пап... — Миша замялся. — А мы правда можем... ну, поискать? Вдруг она там есть?

Отец посмотрел на гору. Лицо у него в свете фонаря было спокойным и задумчивым — таким, каким бывало, когда он смотрел на чертёж нового станка и пытался понять, выдержит ли деталь нагрузку. Он не засмеялся. Не потрепал Мишу по волосам со снисходительной улыбкой, как делают взрослые, когда хотят закрыть детский разговор. Он просто стоял и смотрел на Змейку — слишком долго для человека, который просто играет.

— В воскресенье, — наконец произнёс отец, поворачиваясь к сыну. — В воскресенье можем сходить и проверить твою дверь.

Миша почувствовал, как по спине пробежал короткий, горячий холодок.

— Честно? Прямо на гору пойдём?

— Если не проспим, — с лёгкой улыбкой ответил отец. — Правду узнаем на месте. А теперь пошли ужинать, напарник. Иначе мама нам устроит такую гравитацию, что не обрадуемся.

Отец открыл тяжёлую дверь подъезда. Внутри пахло сырой краской и борщом. Миша шагнул на ступеньки, но перед тем как дверь за ним закрылась, обернулся и бросил последний взгляд на Змейку.

Он смотрел на неё и впервые думал не о том, какая она большая. Он пытался представить себе ту единственную точку на тёмном склоне, скрытую колючим кустарником и камнями, где прямо сейчас, в полной тишине, ждала их холодная, неподъёмная железная ручка.

И ему очень хотелось, чтобы папа, который уже поднимался по лестнице впереди него, думал в эту секунду о том же самом.

Глава 2. Экспедиция номер один

Утро субботы началось не с привычного маминого голоса и не со звона будильника в соседней комнате. Оно началось с одной ясной, почти звенящей мысли, которая ждала Мишу прямо на границе сна: завтра они идут на гору. Завтра они будут искать дверь.

Миша открыл глаза. Комната была залита светлым, чуть пыльным утренним солнцем. За стеной, на кухне, тихо бормотало радио, звякала посуда — мама готовила завтрак. За открытым окном ворковал голубь, и кто-то во дворе выбивал ковёр. Обычное, совершенно нормальное утро выходного дня. Но для Миши весь мир сегодня выглядел иначе, потому что у этого мира появилась тайна. Змейка, которую он столько раз видел из окна, перестала быть просто горой. Теперь он всё время думал о тёмном склоне, кустах и камнях — о том месте, где могла оказаться дверь. И впервые в жизни Миша точно знал: где-то там, за стеной леса, есть кусочек папиной взрослой жизни, в который его наконец позовут не на минутку, а по-настоящему.

Миша откинул одеяло, быстро оделся и достал из нижнего ящика стола зелёную тетрадь в клеточку. На обратной стороне обложки была напечатана таблица умножения, а внутри ещё оставалось несколько чистых листов. Он взял набор фломастеров и старый, покусанный на конце простой карандаш.

План базы нужно было составить заранее. Нельзя же идти в экспедицию вслепую.

Миша лёг животом на ковёр и принялся рисовать. Сначала провёл жирную серую линию — это была скала. В ней нарисовал прямоугольник. Дверь. За дверью пошёл длинный прямой коридор, от которого в разные стороны расходились комнаты.

Он рисовал старательно, высунув кончик языка. Первая комната — та, где выключена гравитация. Как её изобразить? Миша подумал и нарисовал человечка, висящего вверх ногами под потолком. Вторая комната — синтезатор еды. Она получилась похожей на уличный автомат с газировкой, только вместо стакана Миша пририсовал там пузатую булочку. Третья — комната, где читают мысли. Её он изобразил большим экраном, похожим на телевизор «Рубин» в их гостиной.

В самом конце коридора он нарисовал ещё одну дверь. Тёмно-синим фломастером. Почему-то ему казалось, что на любой нормальной базе обязательно должно быть место, куда лучше не заходить. Рядом с этой дальней дверью он старательно вывел красный крест и подписал печатными буквами: «НЕ ХОДИТЬ».

Миша отодвинул тетрадь и критически осмотрел план. Всё было понятно, всё работало. Но взгляд снова вернулся к самому началу. К первой двери. Он понял, что не знает, как её рисовать. Какая она? Гладкая? С заклёпками? С круглым штурвалом, как на подводной лодке из кино? Он заштриховал прямоугольник простым карандашом, делая его тёмным и тяжёлым, но всё равно это была просто нарисованная дверь. Чтобы узнать, какая она настоящая, нужно было её найти.

После завтрака Миша приступил к сборам. Экспедиционное оборудование требовало серьёзного подхода.

Он разложил на кровати вещи, которые казались ему абсолютно необходимыми. Моток бельевой веревки — папа говорил, что одной не хватит, но вдруг пригодится хотя бы что-нибудь привязать? Игрушечный пластмассовый бинокль с мутными стёклами. Коробок спичек, тайно вынесенный с кухни. Деревянная ложка с хохломской росписью — если инопланетный синтезатор выдаст суп, не есть же его руками? Старый компас, который всегда показывал куда-то в сторону окна, и горсть разноцветных карандашей — зарисовывать находки. На самый край он положил железную модельку грузовика ЗИЛ. Если там действительно нет гравитации, будет здорово посмотреть, как грузовик полетит по воздуху.

Миша попытался сложить всё это в небольшую спортивную сумку, с которой обычно ходил на плавание. Сумка топорщилась, деревянная ложка торчала наружу, а бинокль никак не хотел лезть рядом с грузовиком.

Дверь в комнату приоткрылась. Вошла мама, вытирая руки кухонным полотенцем.

— Собрался куда-то, путешественник? — спросила она, с улыбкой глядя на раздутую сумку и торчащий черенок ложки.

— На Змейку, — ответил Миша, стараясь звучать как можно серьезнее. — С папой. Завтра идём проверять.

— Проверять что? Гору? На месте ли она?

— Одну вещь. Папа обещал.

Мама тепло усмехнулась и поправила ему чёлку. Она не стала допытываться, что именно за вещь они собрались искать.

— Ну, раз с папой, тогда я спокойна. Только аккуратнее проверяйте и до темноты не задерживайтесь. И ложку свою экспедиционную верни на кухню, пожалуйста, мне ей тесто мешать нужно.

Миша вздохнул, но ложку отдал. Мама не смеялась над ним. Она просто не понимала, насколько важное событие сейчас готовится, и Миша был этому даже рад. База пока должна была оставаться их с папой общим секретом — первым, который у них появился по-настоящему, не считая прошлогоднего сюрприза на мамин день рождения.

День тянулся мучительно долго. Время загустело, как кисель, который долго не хочет остывать. Миша вышел во двор, посидел на тёплой деревянной скамейке, покачался на скрипучих качелях. Солнце пекло макушку. Двор жил своей обычной летней жизнью: кто-то чинил велосипед, перевернув его вверх колёсами, из открытых окон летела музыка, воробьи дрались в пыли из-за хлебной корки.

А Миша смотрел на Змейку.

Из двора она была видна отлично. Тёмно-зелёная, неподвижная, со своими глубокими складками оврагов. Миша пытался угадать, в каком именно овраге может быть спрятан вход. Наверное, не в самом низу, где ходят люди, а где-то повыше, где лес становится густым и тёмным, и куда обычно никто не заглядывает просто потому, что незачем.

К качелям подошёл Санька из соседнего подъезда, держа в руке надкушенное яблоко.

— Ты чего зависи? — спросил он, чавкая. — Пошли в квадрат играть, нам четвёртого не хватает.

— Не могу, — Миша мотнул головой, не отрывая взгляда от горы.

— А чё делаешь? Смотришь туда чего?

— У меня там дело, — уклончиво ответил Миша.

— На горе, что ли? Какое дело?

Санька смотрел с любопытством, и Мише на секунду ужасно захотелось рассказать. Выпалить про железную дверь, про инопланетян, про антигравитацию. Представить, как у Саньки округлятся глаза от зависти. Но он промолчал. Если рассказать, Санька начнёт смеяться, скажет, что Миша всё выдумал, или, что ещё хуже, захочет пойти с ними. А это было исключено. Это была не дворовая игра в квадрат, где можно поменяться местами с кем угодно. Это было дело для двоих напарников — и больше ни для кого.

— Завтра узнаешь, — буркнул Миша, спрыгнул с качелей и пошёл к своему подъезду. Ожидание становилось почти невыносимым, как зуд под гипсом, который нельзя почесать.

Вечером, когда солнце уже начало окрашивать небо над пятиэтажками в розовый цвет, щёлкнул замок входной двери. Отец вернулся с работы.

Миша выскочил в коридор. Он ждал этого момента весь день, но теперь, увидев отца, вдруг испугался. Папа выглядел таким же уставшим, как вчера. Он медленно стянул ботинки, повесил куртку на крючок, тяжело выдохнул и потёр лицо ладонями. «А вдруг он забыл? —

мелькнула у Миши холодная мысль. — Вдруг сейчас скажет, что у него болит спина и никуда мы не пойдём?» Эта мысль была хуже всего, что могло случиться за день: хуже проигрыша в квадрат, хуже промокших ботинок. Потому что если папа забудет, это будет значить, что вчерашний разговор был просто разговором — таким же, какие взрослые забывают сразу после того, как произнесли.

Миша стоял у входа в комнату, переминаясь с ноги на ногу. Рядом, на тумбочке для обуви, лежала его перепакованная экспедиционная сумка.

Отец открыл глаза, посмотрел на Мишу, потом перевёл взгляд на сумку, из которой предательски торчал кусок бельевой веревки. Усталость на лице отца чуть дрогнула, уступая место лёгкой, понимающей улыбке. И вместе с этой улыбкой Миша наконец выдохнул — папа помнил. Папа всё помнил, хотя весь день провёл на заводе и наверняка думал о компрессоре, допусках и других взрослых вещах.

— Это что за баррикада? — спросил отец, кивая на тумбочку.

— Я собрался, — негромко сказал Миша. — К экспедиции. На завтра.

Отец подошёл ближе, расстегнул молнию на Мишиной сумке и заглянул внутрь. Хмыкнул. Достал пластмассовый бинокль, покрутил его в руках, положил обратно.

— Серьёзный подход, — сказал он. — Но для нормальной экспедиции сначала нужно разобраться, что нам действительно пригодится, а что придётся тащить на себе просто так. Неси всё это ко мне в комнату. Будем проводить ревизию.

Через десять минут они сидели на ковре в большой комнате. Отец принёс свой рабочий рюкзак из плотного брезента и выкладывал на пол настоящие, взрослые вещи.

— Фонарь, — отец положил на ковёр тяжёлый квадратный фонарик с рифлёным стеклом и ползунком сбоку. Щёлкнул выключателем — луч ударил в стену бледным жёлтым пятном. — Под землёй темно. А без света там делать нечего.

Он вынул две запасные батарейки в картонной обёртке и положил рядом.

— Вода, — на ковёр легла армейская фляжка в чехле. — Потому что пить хочется всегда раньше, чем тебе кажется. Особенно на подъёме.

Следом появился небольшой блокнот с пожелтевшими страницами и короткий, остро заточенный простой карандаш.

— Зачем карандаш? У меня фломастеры есть, — запротестовал Миша.

— Фломастеры высохнут, а ручка потечёт или замёрзнет, — серьёзно объяснил отец. — Карандаш пишет всегда. А блокнот нужен, чтобы зарисовать то, что мы не сможем забрать с собой. И чтобы потом не спорить, кто и что видел.

Отец достал складной перочинный нож с красной пластиковой ручкой и небольшую отвёртку с прозрачной жёлтой рукояткой. Он подержал отвёртку на свету, словно проверял, не разболталось ли что-то внутри, хотя проверять там было нечего — простая отвёртка, ничего особенного.

— Инструмент, — сказал он, любовно её погладив. — Прежде чем что-то трогать руками — сначала смотрим. Потом, если можно, трогаем осторожно. И только потом решаем, что с этой штукой делать дальше. Проверяем трижды, Мих. Запомни это правило, оно главное.

— А потом уже боимся? — тихо спросил Миша, вспомнив вчерашний разговор у подъезда.

Отец посмотрел на него — чуть дольше, чем обычно смотрят на шутку, — и кивнул:

— А потом уже боимся. Если вообще будет чего.

— Будем дверь ломать? — оживился Миша.

— Нет, Мих, мы инженеры, а не вандалы. Отвёртка нужна не для того, чтобы ломать. Она нужна, чтобы проверить крепёж, поскрести краску, понять, как вещь устроена. Иногда нужно просто поддеть крышку контактов, чтобы всё стало ясно.

Миша посмотрел на свою кучу вещей. На фоне папиного снаряжения она вдруг показалась ему очень детской — игрушечной рядом с настоящей.

— А веревку берём? — спросил он, пододвигая свой моток. — Вдруг там пропасть?

Отец посмотрел на тонкую бельевую веревку.

— Если там настоящая пропасть, этой веревки нам всё равно не хватит. Она только для того, чтобы белье во дворе сушить. Значит, правило такое: в пропасти лучше просто не падать. Оставляем.

— А спички? — Миша показал коробок.

— Спички возьмём, — кивнул отец, пряча коробок в карман рюкзака. — Но только потому, что спички в лесу иногда нужны взрослым. Не потому, что тебе разрешается там жечь всё подряд. Понял?

— Понял. А еда? Синтезатор же...

— Ни одна уважающая себя экспедиция не должна рассчитывать на неизвестную инопланетную кухню, — отрезал отец. — Мама завтра с утра сделает бутерброды с колбасой и яйца сварит. Это надёжнее.

Сборы были закончены. Папа сложил вещи в рюкзак, затянул лямки и поставил его у двери. Рюкзак выглядел основательно и тяжело. Он как будто говорил без слов: мы не шутим, мы идём по-настоящему. И от этой тяжести, от того, с какой осторожностью отец укладывал каждую вещь — фонарь к стенке, флягу в боковой карман, инструмент в специальный чехольчик, — Мише на секунду стало не по себе. Так не готовятся к игре. Так готовятся, когда дело действительно серьёзное.

Позже, когда в окнах напротив уже зажёгся свет, а Миша лежал в кровати под лёгким одеялом, в комнату зашёл отец. Он сел на край постели, чтобы пожелать спокойной ночи. В комнате было тихо, только тикали ходики на кухне.

Миша посмотрел на тёмный силуэт отца на фоне приоткрытой двери.

— Пап... — Миша замялся на секунду. — А мы правда завтра пойдём?

Отец не стал отшучиваться или менять тон на сказочный. Он ответил спокойно, своим обычным, чуть хриловатым голосом:

— Правда. Пойдём прямо на гору. А вот что мы там найдём — заранее никто не знает.

— А если дверь там и правда будет? — шёпотом спросил Миша, чувствуя, как от этих слов перехватывает дыхание.

— Тогда, — отец слегка улыбнулся в полутьме, — сначала посмотрим, не отваливается ли у неё ручка.

Миша тихо фыркнул в подушку. Это было так похоже на папу — сначала проверить ручку, а потом уже думать про инопланетян.

— Но запомни одну вещь, — голос отца стал серьёзным. — В походе есть главное правило. Не надо никому доказывать, что ты храбрый. Главное — смотреть внимательно и всегда говорить мне, если тебе страшно. Договорились?

— Договорились, — кивнул Миша.

— Вот и отлично. Спи. Подъём рано.

Отец вышел, тихо прикрыв за собой дверь. На секунду в коридоре стало слышно его шаги — он не сразу ушёл к себе, а постоял ещё немного у Мишиной двери, словно тоже к чему-то прислушивался.

Миша остался один. Света от уличного фонаря хватало, чтобы видеть очертания стола. Он откинул одеяло, бесшумно спустил ноги на пол и подошёл к столу. Взял свою зелёную тетрадь, раскрыл её на странице с планом базы и включил маленькую настольную лампу, прикрыв её ладонью, чтобы свет не пробивался в коридор.

Он смотрел на рисунок. Железная дверь, коридор, комнаты. Человечек на потолке. Булочка. Красный крест. Всё было на месте. Но чего-то не хватало. Самого главного.

Миша взял простой карандаш. От нижнего края листа, там, где подразумевался город, он провёл извилистую, неровную линию, ведущую прямо к железной двери в скале. Это была тропа. Дорога к тайне.

Затем он немного подумал. Карандаш замер над бумагой.

Прямо на этой извилистой линии, в самом начале пути, Миша нарисовал фигурку человека. А потом, чуть впереди — ещё одну, побольше.

Не одну. Две.

Миша выключил лампу, юркнул обратно в кровать и закрыл глаза. Теперь план был абсолютно точным.

Глава 3. Тропа

Воскресное утро началось для Миши задолго до того, как в квартире зазвучали привычные шаги. Солнце еще только пробивалось сквозь тонкие занавески, рисуя на обоях бледные желтые полосы, а он уже сидел на краю кровати, полностью одетый. Внутри все мелко дрожало от нетерпения, как дрожит вода в стакане, если по столу проехать пальцем.

Миша на цыпочках подошел к окну. Змейка возвышалась над городом, огромная, спокойная и неподвижная. В утренней дымке ее овраги казались еще глубже, чем обычно, будто гора за ночь стала чуточку темнее и серьезнее. Миша прижался лбом к прохладному стеклу. Где-то там, среди тысяч камней и деревьев, их ждала дверь.

Он бесшумно вернулся к столу, проверил свою спортивную сумку. Вчера они с папой оставили в ней только самое нужное, но за ночь Миша все равно умудрился тайком доложить туда компас и модельку грузовика — на всякий случай. Он посмотрел на закрытую дверь родительской спальни. Было невыносимо стоять и просто ждать, когда начнется экспедиция. Миша сделал шаг к двери, поднял руку, чтобы постучать, но вовремя остановился. Папа работал всю неделю. Если его разбудить слишком рано, экспедиция может превратиться в обычную скучную прогулку.

Но тут за дверью скрипнули пружины дивана, послышались тяжелые шаги, и в коридоре зажегся свет. Миша выдохнул. Началось.

Отец вышел в коридор сонный, со всклокоченными волосами. Он совсем не был похож на великого первооткрывателя. Папа потирал лицо руками, щурился от света и тихо ворчал себе под нос, что нормальные люди в воскресенье спят хотя бы до девяти. В ванной зашумела вода. Отец громко фырчал, умываясь холодной водой, чтобы окончательно проснуться.

На кухне уже хозяйничала мама. Она нарезала хлеб, доставала из холодильника вареные яйца и заворачивала их в плотную бумагу.

— Ну что, исследователи, — сказала она, улыбаясь, когда Миша и умытый отец появились на кухне. — Завтрак на столе, сухпак в рюкзаке. Термос с чаем я вам налила. И яблоки положила, чтобы витамины в дороге были.

Отец сел за стол, придвинул к себе кружку с горячим кофе и благодарно кивнул. Миша быстро проглотил яичницу, почти не почувствовав вкуса.

— Ты главное смотри, чтобы ребенок с горы вместе с коленями вернулся, — легко добавила мама, вытирая стол. — И не заблудитесь там в своих джунглях.

— Не заблудимся, — ответил отец, отпивая кофе. — У нас маршрут, оборудование и строгая научная цель. Погуляем по нижнему ярусу, подышим воздухом, проверим пару теорий.

Мама потрепала Мишу по макушке. Она не тревожилась и ничего не контролировала, для нее это был просто хороший день, который ее мужчины решили провести вместе. И эта ее спокойная уверенность делала утро удивительно уютным, хотя Мишу уже тянуло за порог.

В коридоре начались окончательные сборы. Отец надел ветровку, проверил боковые карманы своего тяжелого брезентового рюкзака, щелкнул выключателем фонаря — яркий луч на секунду резанул по обоям. Потом он посмотрел на Мишину сумку, которая снова подозрительно раздулась.

— Так, напарник, — отец присел на корточки. — Экспедиция — это не переезд. Лишний вес в гору тащить — только ноги бить. Давай смотреть.

Он безошибочно выудил из сумки железный грузовик и компас.

— Компас у меня в голове, а железные машины оставим дома. Иначе мы до твоей двери не дойдем, выдохнемся на первом же подъеме.

Миша неохотно кивнул. Он понимал, что папа прав, но расставаться с грузовиком было жаль. Отец помог ему затянуть лямки на сумке, чтобы она не болталась, и сам закинул свой рюкзак на плечо.

— Готов, экспедиционный модуль? — спросил он, кивнув на сумку.

Миша не сразу понял, что папа имел в виду его сумку, но слово понравилось так сильно, что он сразу его подхватил.

— Готов, — серьезно ответил он, поправляя лямку, как настоящий участник настоящей экспедиции, у снаряжения которого теперь было собственное звание.

Они вышли на улицу.

Минеральные Воды в конце восьмидесятых просыпались неспешно. Утренние дворы были залиты мягким светом, из открытых окон доносился запах жареной картошки, где-то вдалеке лениво лаяла собака. По улице изредка проезжали машины — пузатые «копейки» и дребезжащие грузовики. Пахло свежей пылью, тополями и нагретым асфальтом.

Обычно Мише казалось, что город огромный, но сегодня все изменилось. Город словно сжался, стал просто декорацией, через которую нужно было быстрее пройти, чтобы добраться до настоящего дела. Змейка маячила впереди, заставляя ускорять шаг.

— Не спеши, — отец придержал Мишу за плечо. — Настоящая экспедиция начинается не у самой горы. Она начинается за порогом. Знаешь, почему люди в лесу теряются?

— Потому что компаса нет? — Миша вспомнил оставленный дома прибор.

— Потому что они под ноги смотрят, а не по сторонам, — отец усмехнулся. — Нужно замечать, где ты идешь. Собирать ориентиры. Вот давай тренироваться. Как мы эту улицу запомним?

Миша огляделся. Улица как улица. Пятиэтажки, деревья, заборы. Но потом он присмотрелся внимательнее.

— Вон то дерево, — он показал на старый тополь с раздвоенным, похожим на рогатку стволом. — И забор зеленый, у которого одна доска белая.

— Годится, — серьезно кивнул отец. — А еще?

— Остановка с разбитым стеклом. И дом, где на балконе лыжи висят.

Отец одобрительно пощелкал ногтем по пряжке рюкзака.

— Правильно. Это рабочий способ. Мозг так устроен: он запоминает странное. Деревьев в лесу тысячи, а вот дерево, изогнутое буквой «Г», или камень, похожий на утюг, — одни. Их и надо искать.

Они шли дальше, и Миша чувствовал, как этот простой разговор делает их настоящей командой. Папа не разговаривал с ним как с малышом, которого нужно просто довести за ручку до леса. Он учил его — так же, как, наверное, учил молодых рабочих на заводе, только без чертежей и допусков, просто на ходу, между делом, и оттого это было еще ценнее.

К подножию Змейки они подошли, когда солнце уже поднялось высоко.

Здесь было светло, сухо и ветрено. Под ногами шуршала выгоревшая трава, пахло полынью и горячим камнем. Из города гора казалась просто красивым силуэтом на фоне неба, но теперь, стоя у самого ее основания, Миша понял, какая она огромная. Склоны уходили высоко вверх, теряясь в густом лесу, овраги зияли глубокими тенями. Это было настоящее, живое пространство, которое жило по своим правилам. Здесь действительно можно было спрятать что угодно, и никто бы никогда этого не нашел.

Миша запрокинул голову.

— Пап, а если бы ты строил базу, ты бы где дверь спрятал? — спросил он.

Отец остановился, сдвинул кепку на затылок и внимательно посмотрел на склон, прищурив глаза. Он думал по-настоящему, как инженер, которому поручили сложный проект.

— Ну, смотри, — сказал он наконец. — На самом виду ставить нельзя — любопытные залезут. В низине тоже нельзя — весной снег сойдет, вода всё затопит, короткое замыкание

обеспечено. Под отвесными скалами опасно, первый же камнепад вход завалит так, что экскаватором не откопаешь.

— Значит, она очень высоко и далеко? Там, куда трудно дойти? — сделал вывод Миша. Отец покачал головой и поправил лямку рюкзака.

— Или очень близко, Мих. Просто люди обычно смотрят не туда. Они ищут тайну там, где темно и страшно, а самые надежные вещи прячут на уровне глаз, но делают их скучными. Ладно, пошли. Гора сама себя не исследует.

Они начали подъем. Сначала тропа была широкой и утоптанной, но чем выше они поднимались, тем сильнее менялось пространство вокруг.

Солнечный свет теперь пробивался сквозь плотные кроны деревьев редкими пятнами. Стало прохладнее. Под ногами появились узловатые корни, похожие на застывших змей, земля стала влажной и пружинистой от перегнивших листьев. Звуки города остались за спиной: шум машин превратился в тихое гудение, а потом и вовсе исчез. Обернувшись, Миша увидел, что домов больше нет — только зеленое море веток.

Ему казалось, что если они ускорят шаг, то прямо сейчас за следующим кустом увидят ровный металл двери. Он почти побежал вперед, перепрыгивая через камни.

— Эй, спринтер, тормози, — голос отца звучал спокойно, но твердо.

Миша обернулся и в этот момент споткнулся о толстый корень. Он неловко взмахнул руками, сумка съехала набок, и он плюхнулся на колени прямо в сухую листву. Было не больно, но обидно.

Отец подошел не спеша. Он не стал охать или ругать Мишу за невнимательность. Просто протянул большую руку и рывком поставил его на ноги. Отряхнул ему колени.

— В горах не надо соревноваться с горой, — сказал отец, глядя Мише в глаза. — Она все равно выиграет. Запоминай простые походные правила. Первое: не уходить с тропы без причины. Второе: не геройствовать. Если страшно, устал или ногу натер — сразу говоришь. Третье: ничего незнакомого руками не трогать. Неизвестные грибы, странные железки, норы — все это нас не касается, пока не посмотрели и не подумали.

Отец сделал паузу, чтобы Миша проникся моментом.

— И четвертое, самое важное. Смотреть нужно не только вперед, но и назад. Дорогу домой тоже надо помнить. Запомнил?

— Запомнил, — кивнул Миша. Он хотел добавить, что ему не будет страшно, но промолчал, потому что подозревал: страшно ему все-таки будет, просто пока непонятно, когда именно.

Они пошли медленнее. Через полчаса непрерывного подъема тропа вывела их на небольшую ровную площадку, заваленную старыми, поросшими мхом валунами. Отец скомандовал привал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.